

ПАМЯТЬ КАК МАТРИЦА ИСТОРИИ В КОНЦЕПЦИИ П. РИКЁРА¹

Аникина Александра Борисовна,

кандидат философских наук,

философский факультет

Новосибирского государственного университета,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

ORCID: 0000-0002-5713-3168

lieda27@gmail.com

Аннотация

В статье с позиций философии П. Рикёра рассматривается проблема взаимоотношения истории и памяти как двух независимых форм обращения к прошлому. Ценность подхода Рикёра состоит в том, что эту проблему он разбирает на разных уровнях, начиная с сущности и механизмов работы обоих явлений. Анализ связи и соперничества истории с памятью позволяет по-новому взглянуть на проблему референциальности исторических текстов. Это позволяет сместить фокус с разрыва знака и референта на их необходимую взаимосвязь и способы ее установления. Отмечается, что на основе предложенной Рикёром феноменологии памяти возможно упорядочить различные формы обращения к прошлому. Как формы фиксации опыта, история и память несут основополагающую претензию на верность, несмотря на то что в обоих случаях воспроизводимый образ прошлого является результатом работы воображения. Воображение может быть визирующим (позволяющим увидеть) или ирреализирующим (отсекающим от реальности), поэтому и память, и история нуждаются в способах удостоверения этой претензии на верность. Автор считает, что для памяти таким способом является узнавание, которое представляет собой субъективно переживаемое ощущение. Для истории это возможность непрерывного пересмотра своих построений в процессе, который Рикёр называет репрезентированием. Эти способы должны сохранять автономность, позволяя каждой из форм выполнять свою функцию. Для памяти это сохранение идентичности, непрерывности субъекта, а для истории – осуществление критической оценки и переустройства опыта, который постоянно обогащается новыми вызовами и новыми данными. Признание независимости памяти не позволяет одним субъектам узурпировать доступ к прошлому на основании того, что только они обладают верной памятью. История же за счет критических процедур выполняет корректирующую функцию и вносит в об-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00801.

ращение к прошлому нацеленность на истину вопреки субъективности памяти.

Ключевые слова: феноменология памяти, историческая достоверность, Рикёр, репрезентирование, воображение, «мемориальный поворот».

Библиографическое описание для цитирования:

Аникина А.Б. Память как матрица истории в концепции П. Рикёра // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 2, ч. 2. – С. 351–368. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-351-368.

Расхожее выражение «история – это память народа» и ему подобные и сегодня можно услышать даже от серьезных историков. На уровне государственной политики эти два способа обращения к прошлому так же часто смешиваются. Несмотря на долгую историю противостояния истории и памяти, «современные исторические исследования обосновывают нерасторжимость их “брачного союза” и описывают условия его возможности» [14, с. 236]. Эти вопросы действительно заслуживают самого пристального внимания, поскольку в условиях «мемориального поворота» увеличилось разнообразие форм личностного обращения к прошлому, в то время как их участие в достоверном представлении прошлого часто воспринимается неадекватно.

В теме взаимоотношений истории и памяти много сложных проблем [10], но две из них, на наш взгляд, являются ключевыми. Во-первых, это многообразие процессов, которые стоят за обоими явлениями. Исследования нейронаук сегодня показали, что памятью называют целый спектр различных процессов [13], которые очень трудно уместить в рамки одного понятия. Подобным же образом социальные формы обращения к прошлому распались на множество явлений (коллективная память, историческая память, мемориальная политика). Но самое серьезное противоречие состоит в том, что память носит неустранимо субъективный характер (в том числе если речь идет о коллективных субъектах), в то время как история претендует на статус науки и, как следствие, на независимость своих утверждений от субъективной позиции.

В этом контексте мы предлагаем рассмотреть точку зрения французского философа Поля Рикёра, который анализирует взаимоотношения памяти и истории, глубоко проникая в сущность обоих явлений. Ценность подхода Рикёра в том, что он рассматривает проблему на разных уровнях, начиная с сущности и механизмов работы обоих явлений. Таким образом, его концепция строится с учетом двух указанных выше противоречий. Рикёр предложил такую схему: память есть матрица истории. Анализ связи и соперничества истории с памятью позволяет по-новому взглянуть на про-

блему референциальности исторических текстов, а именно: сместить фокус с разрыва знака и референта на их необходимую взаимосвязь и способы ее установления.

К проблемам истории Рикёр обращается не ради них самих, а потому что это было неизбежно при его исследовании благой жизни «человека могущего» (*l'homme capable*) вместе с другими людьми. Обращаясь к проблемам личности и социальной жизни, Рикёр поставил сначала вопрос о памяти и смог увидеть ее сложную, диалектическую связь с историей. Подводя итог этим исследованиям в книге «Память. История. Забвение», философ так охарактеризовал суть этих отношений: «Моя книга представляет собой речь в защиту памяти как матрицы истории, поскольку она является хранительницей проблематики, касающейся репрезентативного отношения настоящего к прошлому» [12, с. 127]. Рикёр отстаивает идею независимости и взаимной дополнительности истории и памяти и представляет историю как научную наследницу памяти.

Интересно посмотреть на богатство значений французского слова *matrice* (матрица). Образность языка Рикёра соединяет в его трудах логические построения с остроумными метафорами, что помогает раскрыть его подход с неожиданной стороны. Во французском языке *matrice*, помимо значения «матрица» в различных смыслах, также означает штамп, реестр налогоплательщиков, цементирующее вещество и дешифратор. Каждое из этих значений уже выражает определенный аспект отношений истории и памяти, так или иначе проявляемый Рикёром. Однако первое словарное значение слова *matrice* – «матка», так что нам предстает удивительный образ происхождения истории из лона памяти, подразумевающий на заднем плане также и метафору генетической преемственности.

Утверждение о том, что память является матрицей истории, скрывает за собой разнообразные отношения. Как мы полагаем, в качестве основного их содержания можно выделить следующее:

- 1) в памяти берет свое начало и сохраняется проблематика репрезентации прошлого в настоящем;
- 2) память передает истории парадигму дистанции и усилия рефлексивной памяти по разысканию воспоминания;
- 3) память придает истории репрезентативный импульс посредством свидетельства;
- 4) память и история расходятся в пункте установления соответствия между прошлым и образом-репрезентацией прошлого, используя для этого каждая свои методы;
- 5) это расхождение и даже противопоставление не дает преимущества ни одной из сторон в репрезентации прошлого, но подразумевает чуткую работу по поддержанию баланса между памятью и историей.

Память как репрезентация прошлого в настоящем

Память является условием существования исторической науки: мы можем размышлять о прошедшем только потому, что мы способны удерживать и воспроизводить в сознании прошлый опыт. Это фундаментальное свойство (и потребность) человеческого сознания обуславливает видение мира и идентичность личности. Но в какой мере и каким образом воспоминания, которые хранит наша память, действительно отражают, репрезентируют то, что имело место в прошлом? В этом и есть суть репрезентативной проблематики в постановке Рикёра.

Два общих замечания высказывает Рикёр о своем подходе к памяти. Во-первых, он подчеркивает, что хотя ненадежная память может принести нам определенные проблемы, тем не менее возможность забывать не есть только дисфункция памяти, но и определенная возможность, даже способность или дар. Забвение в подходе Рикёра предстает как то, что вообще создает условия для новой памяти и для продолжения жизни.

Во-вторых, хотя Рикёр отдает должное достижениям естественных наук, исследующих память, он намеренно и небезосновательно остается в поле феноменологии. Философ полагает, что сами по себе эти науки не могут объяснить феномен памяти в его глубинной структуре, так как в них не ухватывается главное – его темпоральная природа. Рикёр указывает, что мнемоническая функция «характеризуется, в отличие от всех прочих, отношением репрезентации ко времени, а в сердцевине этого отношения – диалектикой присутствия, отсутствия и отстояния, представляющей собой отличительный признак мнемонического феномена» [12, с. 590]. Мнесические следы, с которыми имеет дело нейронаука, существуют только в настоящем.

Что касается непосредственно анализа памяти, то Рикёр отмечает в первую очередь ее предметный характер, нацеленность на что-то. Поэтому он разделяет память вообще и воспоминание как ее дискретную форму, у которой есть более-менее четкие границы. Память одна, а воспоминаний много. Рикёр выражает это в словах, которые можно перевести с помощью метафоры: следует различать память как прицел и воспоминание, как предмет, в который целятся² [17, с. 27].

Далее по ходу анализа феноменов памяти Рикёр вводит важное различие, опираясь на гуссерлевские понятия **ретенции** (удержание или первичное воспоминание) и **репродукции** (воспроизведение, вторичное воспоминание). Воспроизводимое в памяти не есть само удерживаемое впечатление. Между ними есть разрыв, Рикёр опирается здесь на слова Гуссер-

² В переводе И.С. Вдовинной: «... следует различать память как нацеленность (*visée*) и воспоминание как имеющуюся в виду вещь» (*il faudrait distinguer dans le langage entre la mémoire comme visée et le souvenir comme chose visée*) [12, с. 45].

ля: «“прошедшее” и “теперь” исключают друг друга» [5, с. 38]. Возникает напряженность между актуально настоящим и неделимостью на фрагменты феномена протекания.

Это различие переключается с сопоставлением платоновского *typos* и аристотелевского *eikon*, предпринятым Рикёром. В интерпретации Рикёра метафора *eikon* «предстает как рисунок, что подразумевает не пассивное претерпевание запечатления, но активное участие в создании образа предмета» [1, с. 399]. Воспоминание распадается на две составляющие: «первичное впечатление», сравнимое с *typos*, пассивным отпечатком на воске, и хранимый впоследствии образ – *eikon*, который представляет собой «иное первоначального впечатления». Это расслоение постоянно подразумевается Рикёром, но не везде проговаривается. Поэтому для понимания его концепции важно подчеркнуть, что между этими двумя образами имеется корреляция, описываемая отношениями «такой как, но в то же время *иной*».

Ретенция, удержание непосредственно соединяется с актуальным восприятием, и в этом смысле является презентацией объекта. В то время как вторичное воспоминание становится «ре-презентацией», так как оно связано с воспроизведением, повторной презентацией уже однажды исчезнувшего объекта. Подобное воспроизведение, не основанное на непосредственном восприятии, Рикёр вслед за Гуссерлем относит к модусам воображения. Так в концепции Рикёра обосновывается идея инаковости и дистанции между двумя образами: аффективным следом первичного восприятия и вторичным образом-репрезентацией. Эта дистанция и порождает проблему репрезентативности памяти, а затем и истории.

Рикёр полагает, что среди прочих предметов воспоминаний (в отличие от памяти вообще) «особый статус (*le privilège*) произвольно приписывается тому, что можно назвать событием»³ [17, с. 28]. Но Рикёр не соглашается с Бергсоном, что все события являются уникальными и единственными в своем роде. Спектр возможных событий разворачивается между двумя крайностями: полюсом единичных событий и полюсом обобщений, который Рикёр называет «ситуациями» («*états de choses*»⁴). С одной стороны, мы склонны запоминать нечто особенное, выдающееся, т. е. единичные, уникальные случаи, к этому же полюсу относятся и лица близких людей. Но многие события мы помним скорее благодаря их типичности. Так, события выстраиваются вдоль этой оси – от уникальных явлений вплоть до ритуалов или номеров телефонов, которые не изменяются.

³ Здесь в русском переводе есть существенная неточность: «...речь идет о привилегии, произвольно приписываемой определенным событиям в ряду тех, о которых вспоминают» [12, с. 46]. Однако здесь речь идет о том, что именно события вообще занимают привилегированное положение в ряду прочих явлений, которые могут стать предметом воспоминаний: «*le privilège donné spontanément aux événements parmi toutes les “choses” dont on se souvient.*»

⁴ В переводе И.С. Вдовиной переводится дословно как «состояние вещей».

Тогда Рикёр задается вопросом: если многие события одинаковы и сегодня, и год назад, то каким образом становится возможным опознать предмет воспоминания как принадлежащий прошлому? Особенно те явления, что склонны приближаться к полюсу «ситуаций», будучи обобщенными, отделенными от своего конкретного воплощения в реальности, могут утратить связь с той временной дистанцией, которая отделяет их от настоящего.

Феноменология памяти П. Рикёра

Чтобы разобраться с этим вопросом, Рикёр вводит несколько оппозиций, последовательно соединяя идею «инаковости» первоначально принятого образа с механизмом узнавания его в воспоминании. Вместо попыток дать определение такому многозначному понятию, как память, Рикёр предлагает рассмотреть и упорядочить разнообразные ее проявления, то есть построить феноменологию памяти. Такой подход оказывается более продуктивным, так как дает матрицу для учета всего многообразия мнемонических феноменов, позволяя соотносить различные проявления памяти с различными инструментами анализа, а в перспективе разделять их по способу использования в различных историографических и социальных практиках.

1. **Привычка vs память.** Эту оппозицию между памятью-привычкой и памятью-воспоминанием Рикёр заимствует у Бергсона. В обоих случаях должен быть ранее приобретенный опыт. Но привычка, хоть и началась в прошлом, продолжает быть включенной в настоящее, а воспоминание отсылает к опыту именно как полученному в прошлом. Эта оппозиция отсылает нас к обретению временной дистанции с точки зрения «**градиента дистанцирования**», поскольку предполагается, что опыты можно сортировать по их временной глубине: наименее глубокий тот, где прошлое примыкает к настоящему, а наиболее отдаленный – где прошлое осознается в его безвозвратности. Как пишет Рикёр, «в этих двух крайних случаях предполагается наличие ранее приобретенного опыта; однако в случае с привычкой этот ранее приобретенный опыт включен в ныне протекающую жизнь, не обозначенную и не декларируемую как прошлое; в другом случае отсылка к ранее полученному опыту сделана именно как к опыту, достигнутому в прошлом» [12, с. 48].

Область привычки включает разные уровни:

- телесные способности и все модальности позиции «я могу»;
- социальные обычаи, нравы, все габитусы совместной жизни (в том числе практики поминания, противопоставленные воскрешению в памяти, которое соотносится только с индивидуальной памятью).

2. Следующая оппозиция – это **воскрешение** (évo-cation) и **разыска-ние** (recherche) в памяти («вызывание» в переводе под ред. И.С. Вдовиной). Это различие является очень важным для дальнейших рассуждений философа. Воскрешение – произвольно пришедшее воспоминание, Аристотель считал его чувством (pathos). Разыскание в памяти – это результат интеллектуального усилия. Рикёр исследует это противопоставление также с опорой на Бергсона (очерк «Интеллектуальное усилие»). Мы вполне способны отличить, испытываем мы затруднение или нет, будь то попытка что-то вспомнить, понять или решить. Бергсон анализирует, чем характеризуется это ощущение именно с точки зрения работы мышления, и приходит к выводу, что это затруднение при переходе от одного плана сознания к другому – от схемы к образу. Рикёр использует эту идею, развивая ее далее. Предположим, что под схемой здесь понимается система указателей, основанных на усвоении базовых знаний и культурного кода, в то время как образ – уже собственно картина вспоминаемого события (можно провести аналогию между планом города и его фотографиями).

Эти два полюса соотносятся с введенной выше оппозицией привычка/память. Привычка характеризуется автоматизмом и не требует интеллектуальных усилий, в то время как воспоминание вызывается к жизни процессом вспоминания, требующим воображения и в этом смысле близким к процессу изобретения. В то же время привычка – это и усвоенные ранее привычные знания и взгляды, и она «противится изобретательству».

3. Еще одна оппозиция, как она вводится Рикёром, – это рефлексивность (réflexivité) и принадлежность миру (mondanéité). Это различие позволяет задействовать другое направление анализа воспоминаний, переориентирующих его с соответствия двух образов в сознании – воспринятого и вспомненного – на корреляцию между сознанием и окружающим миром. Эта оппозиция особенно важна для установления отношений между памятью и историей.

Принадлежность миру – это способность «вспоминать не только себя видевшим, испытывающим, изучающим, но и ситуации материального мира, которые мы увидели, ощутили, изучили» [17, с. 44]. Использование слова «рефлексивность» в качестве оппозиции принадлежности миру здесь сбивает с толку. Рикёр сам указывает на то, что под «вывеской» рефлексивности можно объединить две первые оппозиции и «следует обратиться к полярности собственная память – коллективная память» [17, с. 45]. Однако то, что Рикёр далее пишет о полюсе принадлежности миру, показывает, что речь всё-таки идет об области более широкой, чем коллективная память.

Таким образом, предлагаем определить эту оппозицию как **«принадлежность сознанию»** – **«принадлежность миру»**, полагая, что принад-

лежность сознанию отчасти подразумевает рефлексивность, в том числе и как отражение окружающего мира. Посредством введения этой оппозиции Рикёр пытается восстановить связь феноменологии памяти с явлениями материального мира, нарушенную гуссерлевской эпохы, которая, как он полагает, «под прикрытием объективации наносит удар по внутримировости» [12, с. 63].

Опоры для своего моста через эту бездну, отделяющую сознание от мира, Рикёр находит в труде Эдварда Кейси «Воспоминание». Кейси в своих рассуждениях также исходит из возможности двух различных состояний памяти: *keeping memory in Mind* (удержание воспоминания в уме) и *pursuing memory beyond Mind* (преследование/продолжение воспоминания за пределами ума). Эти противоположные состояния взаимосвязаны через ряд модусов памяти: *Reminding*⁵, *Reminiscing*, *Recognizing* (напоминание, вспоминание, узнавание). Рикёр полагает, что найденные Кейси модусы памяти представляют собой те переходные явления, которые могут связать между собой полюс «принадлежности сознанию» и полюс «принадлежности миру».

Reminding включает в себя напоминания, то есть знаки, призванные защищать от забвения. Они могут быть как внутренними (личные ассоциации), так и внешними (фотографии, документы).

Reminiscing уже требует активности сознания и представляет собой попытку «оживить прошлое, вызывая в памяти несколько вещей» [12, с. 65], одна из которых помогает вспомнить другие (служит напоминанием о них). Этот модус можно представить в форме рефлексивной памяти, примерами чему могут быть личный дневник, мемуары.

Recognizing осуществляется сначала как дополнение к напоминанию. При встрече с неким напоминанием происходит узнавание в нем знака чего-то прошлого, но пока еще скрытого. Затем мы начинаем вспоминать, прикладывая усилия, разыскивая это скрытое, мы можем перебирать разные варианты образов и в конце концов «мы узнаем возникшее в настоящий момент воспоминание как такое же по отношению к первичному впечатлению, имеющемуся в виду как иное» [17, с. 47] («иное» в указанном выше смысле).

Узнавание – важный элемент концепции Рикёра, оно венчает успешную работу памяти по разысканию воспоминания. В непринужденном, даже в некотором смысле автоматическом воскрешении в памяти инаковости мало. Зато «в ощущении необычности инаковость достигает своего

⁵ Следует отметить некоторую путаницу при переводе этого термина в «Памяти, истории, забвении». Местами он обозначен как «акт вспоминания», хотя это не соответствует словарному значению английского слова *remind*. Французское слово, которое Рикёр предлагает как эквивалент английскому *rappele*, тоже почему-то переводится как «вспоминать», хотя его базовое значение – «напоминать о».

пики». Именно в узнавании преодолевается эта пропасть инаковости первого впечатления и последующих актов памяти. Эта проблема взаимосвязана с проблемой репрезентации, или присутствия того, что отсутствует. «Однако маленькое чудо узнавания состоит в том, что оно облекает присутствием инаковость минувшего» [17, с. 47]. Узнавание характеризуется определенным чувством, когда мы понимаем, что действительно узнали, нашли то, что искали: «Да, вот оно!»

Заимствованные у Кейси модусы приводят Рикёра к таким мнемоническим явлениям, которые включают в себя тело, затем пространство и мир в целом. От телесной памяти можно перейти к памяти о местах: я там ходил, я помню, как туда пройти, что там расположено, какая местность. Так конструируется феномен «мест памяти» (П. Нора), которые служат опорой слабеющей памяти – как личной, так и коллективной. Более того, феномен «мест памяти» может служить примером переходного звена от личной к коллективной памяти. Места, значимые в первую очередь для кого-то лично, становятся со временем значимыми для всей нации. Нагляднее всего это демонстрируют мемориалы с именами павших или памятные таблички: почитание людей, изначально просто близких кому-то лично, становится значимым для всей нации.

Можно утверждать, что мнемонические модусы напоминания, вспоминания, узнавания, как планки подвесного моста, проводят нас от полюса принадлежности сознанию к полюсу принадлежности миру, восстанавливая утраченную связь.

Можно представить такую систему оппозиций в виде пересекающихся осей трех измерений, они разбивают пространство мнемонических феноменов на ряд областей. По оси x отображается «градиент дистанцирования», который соотносится со временем. В области позитивных значений настоящее и ожидания – это область ретенции, непосредственного восприятия, актуально удерживаемого в сознании. Проходя через ноль, настоящее становится прошлым – это область репрезентаций. По оси y расположим рефлексивность, ниже нуля в своих отрицательных значениях переходящую в автоматизм. Вдоль оси z располагаются полюса принадлежности миру и принадлежности сознанию. Оппозиция воскресение/вспоминание оказывается учтена в виде характеристик привычки и памяти (автоматизм и рефлексивность).

Такая схема, построенная на основании феноменологии памяти Рикёра, дает возможность упорядочить все те множественные формы обращения к прошлому, которые имеют сегодня тенденцию смешиваться как в научном обороте, так и в обыденном сознании. В области справа от оси y располагается политика памяти, которая осуществляется в настоящем, исходит из ожиданий будущего, может быть более или менее рефлексивной,

может быть нацелена на коллективы и преломляться в индивидуальном сознании. Здесь же располагается актуальная память, коллективная или индивидуальная историческая память. Слева от оси *y* располагается область репрезентаций прошлого, опять же более или менее рефлексивных.

Итак, первоначальное восприятие (*typos*) под действием работы памяти и воображения превращается в образ-репрезентацию воспринятого (*eikon*). В этом образе происходит отделение значимого от незначимого, выстраиваются логические связи, неуловимые при первоначальном восприятии. Этот образ разыскивается рефлексивной памятью с опорой на материальные следы⁶ и узнается как верный при «замыкании» на первоначальное восприятие или аффективный след, который, по убеждению Рикёра, сохраняется в латентном виде⁷.

Два модуля воображения

Таким образом, воображение неустранимо из работы памяти⁸. Воображение можно разделить на два типа, как их называет Рикёр, – ирреализирующее и визирующее. Последнее уже со времен Платона и Аристотеля понималось как особая познавательная способность – как посредник между чувственным ощущением и рациональным дискурсивным мышлением. Продуктивное воображение – чистое воображение, как полагал Кант, есть «основная способность человеческой души, лежащая в основании всех априорных знаний» [8, с. 145]. Как в таком случае возможно различить эти два модуля воображения?

Рикёр полагает, что внутри воображаемого есть свои полюса: вымысел и галлюцинация. Вымысел – это то, что характеризуется интеллектуальным усилием, это работа творчества по продуктивному переустройству реальности. Галлюцинация же – это наваждение, отделяющее субъекта от реальности, неподвластное ему и нерелексивное. Полагая объект в своем воображении, мы помним о модуле его «сущностного небытия», тем самым отдавая себе отчет в том, что объект на самом деле не реален. Вымысел преодолевает

⁶ Все следы прошлого Рикёр разделил на три типа: материальные, кортикальные и аффективные. Первые – это документы и артефакты, вторые – это нейронные связи, а под аффективными Рикёр понимает «пассивное сохранение первичных впечатлений: событие нас поразило, коснулось, затронуло, и его аффективный знак остается в нашем сознании» [12, с. 591].

⁷ Идея латентного сохранения аффективных следов, которую Рикёр принимает вслед за Бергсоном, представляется узким местом концепции и требует дополнительных пояснений, но в этой статье нет возможности подробно остановиться на этом. Заметим лишь возможные пути. Уже установлено, что для запуска физиологических механизмов долговременной памяти необходимо, чтобы нейронные импульсы преодолевали определенный порог значимости (см. [7, главы 17–19]). То есть какие-то механизмы интерпретации информации задействованы уже на уровне нейронных связей. Возможно, то, что Рикёр называет аффективным или психическим следом, можно соотносить с семиотическим измерением кортикального следа, но этот вопрос еще предстоит исследовать.

⁸ Это утверждение согласуется с данными нейронаук (см. [3]).

дистанцию во времени и пространстве, тем не менее сохраняя ее. Галлюцинация же полностью уничтожает всякое осознание дистанции.

Таким образом, полагаем, что сохранение дистанции можно рассматривать в качестве маркера, позволяющего избежать ловушки иррационализирующего воображения, во всяком случае в его галлюцинаторном проявлении. Мы можем понять, что зашли на запретную территорию, когда объект нашего полагания вдруг стал непосредственно близок, и мы полагаем, что имеем точное представление о том, каков этот объект «на самом деле». Квазиприсутствие – вот один из маркеров галлюцинации. Отследить это «квази» возможно по отсутствию затруднения и интеллектуального усилия, необходимого для его преодоления⁹.

Другой маркер – это непроизвольность, навязчивость воображаемого объекта, который оказывается как бы сам собой разумеющимся. Зачастую его присутствие навязывает образ действий и сковывает самостоятельность поступков и суждений. Так что навязчивая повторяемость ограниченного числа сюжетов тоже должна насторожить субъекта, желающего избежать ловушки «патологии воображения».

Галлюцинаторную навязчивость воображаемого объекта можно опознать, задав себе вопрос: «Почему я думаю именно так?», но самое главное, «могу ли я представить, что это НЕ так?» Галлюцинация не оставляет места для инаковости и не допускает такой возможности. Сложность состоит в том, что осознать отсутствие дистанции или инаковости можно только при наличии какого-либо толчка извне, с той стороны, что обозначена как «принадлежность миру».

Итак, воспоминание есть образ, который является результатом работы воображения по превращению чистого воспоминания в воспоминание-образ. Воображение может быть полагающим или ирреализующим. Различается оно по наличию предметного коррелята воображаемого предмета, по осознанию его сущностного бытия или небытия, основанного на претензии памяти на верность. Определить, может ли данное воспоминание-образ соотноситься с коррелятом в прошлом, можно по сохранению дистанции и осознанию возможной инаковости объекта по отношению к содержанию воспоминания.

Узнавание и репрезентирование

Неустранимость репрезентативной проблематики в памяти и затем в истории связана с неустранимостью разрыва между настоящим и прошлым. Если память обладает основополагающей претензией на верность

⁹ В качестве примера можно привести феномен чрезвычайной подробности ложных свидетельств и путанности истинных. Ложный свидетель воображает картину во всех деталях, а истинный путается, пытаясь восстановить реальную картину (см., например: С. Сулим. 10 лет явки с повинной. – URL: <https://meduza.io/feature/2018/10/31/10-let>).

(исходя из того, что ее задача – достоверно фиксировать полученный опыт), то историю Рикёр наделяет исторической интенциональностью, определяя ее как «направление/ощущение поэтической нацеленности (*le sens de la visée poétique*)¹⁰ создающей историческое качество истории» [16, с. 253]. Историческая интенциональность не есть только добрая воля историка. Рикёр выстраивает цепочку переходных этапов или посредников (*relais*) между реальностью прошлого и ее представлением: следы, объяснительные концепты, работы историков как конечный этап репрезентации прошлого.

Можно провести аналогию между этой цепочкой посредников и теми модусами памяти – *Reminding, Reminiscing, Recognizing*, которые Рикёр выстраивал в феноменологии воспоминаний. Сам Рикёр не указывает на эту аналогию, но, очевидно, подразумевает ее, ставя вопрос о возможности «узнавания» в истории.

Первым модусом является напоминание, которое применительно к истории находит свою аналогию в свидетельстве любого рода. Это документы, монеты, руины, устные рассказы и всё многообразие свидетельств, которое так расширилось в течение XX в. Их роль как знаков, призванных защищать от забвения, не вызывает сомнений. Второй модус – усилие воспоминания, которое находит аналогию в работе историка. Так же как вспыхнувшее в сознании напоминание может заставить нас обратиться к другим вещам или воспоминаниям, и историк обращается к разнообразным свидетельствам, чтобы восстановить картину прошлого, проявить некий его образ. Как именно историк это делает – на это отвечает методология исторической науки с ее всё более и более расширяющимся инструментарием. Но что может удостоверить полученный рассказ, который есть больше, чем сумма проверенных фактов?

Для памяти таким удостоверением является узнавание, которое состоит в том, что имело место первичное впечатление, по отношению к которому найденный образ узнается как «такой же». Задача же истории – выйти за рамки субъективных впечатлений (даже если мы рискнем говорить о возможности аффективных следов на уровне коллективных субъектов). Конечно, историк сравнивает полученный образ прошлого с документами и образами, полученными другими исследователями, но это не есть аналог узнавания.

В пункте узнавания история порывает с памятью, которая нуждается в уверенности, в утверждении однозначного соответствия двух образов для сохранения идентичности субъекта. История же как наука может взять на себя функцию критической оценки и переустройства опыта, который по-

¹⁰ В переводе Т.В. Славко: «Под этим [исторической интенциональностью] я понимаю **смысл** поэтической направленности, создающей историческое качество истории» [11, с. 208].

стоянно обогащается новыми вызовами и новыми данными. Именно поэтому история не может остановиться на одной единственно правильной картине прошлого. Историк может и должен сравнивать образ прошлого с ним же самим, но постоянно обогащаемым новыми размышлениями, сомнениями и, по возможности, фактами. Этот процесс Рикёр называет «репрезентированием» – понятием, введенным им самим и означающим невозможность построения конечной, завершённой картины прошлого. Рикёр утверждает: «То, что построения историка могут быть реконструкцией действительно произошедших событий, способна удостоверить только работа по пересмотру и переописанию, проводимая историком в его кабинете» [12, с. 691].

Соответственно, идея репрезентирования противостоит концепции «исторической правды»¹¹, которая обладает всеми признаками галлюцинации, а именно самоочевидностью и отсутствием возможности допустить, что всё было иначе. Как отмечалось, галлюцинации, как правило, однообразны, это довольно ограниченный набор образов. Эта же навязчивость имеет аналогию в истории, когда все образы вдруг начинают говорить об одном и том же. Например, в советской историографии одной из таких навязчивых идей была классовая борьба, которая должна была обязательно найтись в любом стихийном бунте. В современном обществе примером может служить образ разнузданного триумфа, возникающий при всяком упоминании о Великой Отечественной войне и подменяющий собой реалистичные представления об этом трагическом событии.

Критерии, которые были предложены для отличия ирреализирующего воображения от визирующего, – осознание дистанции и рефлексивность – применимы и для исторической науки. Понятие дистанции отражает ту отстраненность, которая необходима историку для адекватного описания событий. Именно она и отличает его от очевидца. Очевидцу события доступны лишь с одной точки зрения, историк же имеет возможность сопоставить разные точки зрения, получая многомерный образ события. Незавершенность этого образа есть отражение множественности участников социального действия, множественности их отношений. Естественно, что утверждение только одной возможной трактовки событий отсекает все прочие, а следовательно, делает это описание заведомо недостоверным.

Тут становятся ясны причины, по которым Рикёр придает особое значение независимости памяти от истории с сохранением их взаимной до-

¹¹ Полагаем, что это утверждение не будет воспринято как защита произвольности любых исторических построений и вымыслов, поскольку вся концепция Рикёра и настоящая статья представляют собой защиту научного статуса истории. Как доказывал У. Эко в книге «Предел интерпретаций» [15], то, что возможно бесконечное множество интерпретаций, вовсе не означает, что допустимы любые интерпретации.

полнительности. Память децентрирует исторического субъекта, она позволяет увидеть прошлое во всём разнообразии и в итоге расширяет коллективный исторический опыт. Признание независимости памяти не позволяет одним субъектам узурпировать доступ к прошлому на основании того, что только они обладают верной памятью. История же за счет критических процедур выполняет корректирующую функцию и вносит в обращение к прошлому нацеленность на истину вопреки субъективности памяти.

Это не означает, что история берет на себя функцию арбитра или судьи. Например, историческая наука не может дать ответ, как относиться к памятникам колониального прошлого, это дело личного выбора. Память о перенесенных страданиях выходцев из Африки безусловно заслуживает уважения, но агрессивное стремление навязать свою версию памяти всему обществу не лучше, чем прежнее пренебрежение правами афроамериканцев. Но история задает контекст, в котором можно искать пути примирения и конструктивного взаимодействия, давая противоборствующим сторонам возможность увидеть ситуацию с разных сторон, если на то будет воля.

Концепция Рикёра позволяет обнаружить механизмы глубинной связи истории с жизненным миром человека. Эта связь осуществляется через память, задача которой – представлять полученный опыт по возможности адекватно, и этот репрезентативный импульс передается истории. В последние десятилетия теоретические проблемы истории рассматривались почти исключительно в контексте парадигмы знания, нарратива, на уровне процедур исторического познания, как будто история – это что-то совершенно отдельное от общества, о котором она повествует. Однако связь с памятью, без их отождествления, возвращает историю обратно в мир людей.

Литература

1. *Аникина А.Б.* Трактат «О памяти и припоминании» Аристотеля и концепция истории как репрезентации прошлого Рикёра // Scholé. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2016. – Т. 10, вып. 2. – С. 395–402.
2. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
3. *Балабан П.М.* Хранение памяти // Постнаука. – 2014. – 14 июля. – URL: <https://postnauka.ru/video/27845> (дата обращения 20.05.2021).
4. *Бергсон А.* Интеллектуальное усилие // Бергсон А. Собрание сочинений: в 5 т. – СПб.: М.И. Семенов, 1914. – Т. 4. – С. 141–189.
5. *Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. – М.: Гнозис, 1994. – 162 с.

6. Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. – М.: ЛКИ, 2012. – 608 с.
7. Кандель Э. В поисках памяти: возникновение новой науки о человеческой психике. – М.: Астрель: Corrus, 2012. – 736 с.
8. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Наука, 1999. – 655 с.
9. Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. – 2015. – № 50. – С. 59–96.
10. Репина Л.П. Память и историописание // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Круг, 2006. – С. 19–46.
11. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 313 с.
12. Рикёр П. Память, история, забвение. – М.: Изд-во гуманитар. лит., 2004. – 728 с.
13. Фаликман М.В. Процессы и виды памяти // Постнаука. – 2015. – 12 ноября. – URL: <https://postnauka.ru/video/54916> (дата обращения: 20.05.2021).
14. Чеканцева З.А. Коллективная память и история // Преподаватель XXI век. – 2015. – № 4, ч. 2. – С. 229–239.
15. Eco U. The Limit of Interpretation. – Indiana University Press, 1994. – 296 p.
16. Ricoeur P. Temps et récit. Т. 1. – Paris: Seuil, 1983. – 324 p.
17. Ricoeur P. La mémoire, l'histoire, l'oubli. – Paris: Seuil, 2000. – 682 p.

Статья поступила в редакцию 04.09.2020.

Статья прошла рецензирование 22.10.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-351-368

PAUL RICOEUR'S CONCEPT OF MEMORY AS A MATRIX OF HISTORY

Anikina Alexandra,

Cand. of Sc. (Philosophy),

Philosophy Faculty,

Novosibirsk State University,

1 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-5713-3168

lieda27@gmail.com

Abstract

The article discusses the problem of the relationship between history and memory as two independent forms of using the past within the framework of P. Ricoeur's philosophy. The value of Ricoeur's approach lies in the fact that he analyzes this problem at different levels, starting with the essence and mechanisms of work of both phenomena. The analysis of the interrelation and rivalry between history and memory allows us to take a fresh look at the problem of the referentiality of historical texts, namely, to shift the focus from the gap between the sign and the referent to their necessary connection. On the basis of the phenomenology of memory proposed by Ricoeur, it is possible to organize various forms of reference to the past. As forms of saving experience, history and memory carry a fundamental claim to truth, despite the fact that in both cases the image of the past is produced by the imagination. Imagination can be visualizing (allowing to see) or derealizing (cutting off from reality), therefore both memory and history need ways to verify this claim to truth. For memory, this way is *recognizing*, which is a subjectively experienced sensation, and for history it is the possibility of a permanent revision of its constructions in a process that Ricoeur calls *standing for (représentance (Fr.))*. These ways must remain autonomous, allowing both to realize its function. For memory, this is the keeping of the identity, the continuity of the subject, and for history, it is the implementation of a critical assessment and reorganization of experience, which is constantly enriched with new challenges and new data. Recognition of the memory independence restrains some actors usurping access to the past so far as they believe only they have the correct memory. History, on the other hand, through critical procedures, performs a corrective function and treats the past as the claim to truth, despite the subjectivity of memory.

Keywords: phenomenology of memories, historical authenticity, Ricoeur, standing for/*représentance*, imagination, memorial turn.

Bibliographic description for citation:

Anikina A. Paul Ricoeur's Concept of Memory as a Matrix of History. *Ideï i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 2, pt. 2, pp. 351–368. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-351-368.

References

1. Anikina A.B. Traktat “O pamyati i pripominanii” Aristotelya i kontsepsiya istorii kak reprezentatsii proshlogo Rikera [Aristotelian Treatise on Memory and Recollection and the Concept of History as a Representation of the Past in P. Ricoeur]. *Schola. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya = Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 2016, vol. 10, iss. 2, pp. 395–402.
2. Assmann A. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long shadow of the past: memorial culture and historical politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 328 p. (In Russian).
3. Balaban P.M. Khranenie pamyati [Keeping in Memory]. *Postnauka*, 2014, July 14. (In Russian). Available at: <https://postnauka.ru/video/27845> (accessed 20.05.2021).
4. Bergson H. Intellectual'noe usilie [Intellectual effort]. Bergson H. *Sobranie sochinenii*. V 5 t. T. 4 [Complete Works. In 4 vol. Vol. 4]. St. Petersburg, M.I. Semenov Publ., 1914, pp. 141–189. (In Russian).
5. Husserl E. *Sobranie sochinenii*. T. 1. *Fenomenologiya vnutrennego soznaninya vremeni* [Complete Works. Vol. 1. The phenomenology of internal time-consciousness]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 162 p. (In Russian).
6. Repina L.P., ed. *Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy* [Historical studies today: theories, methods, perspectives]. Moscow, LKI Publ., 2012. 608 p.
7. Kandel E.R. *V poiskakh pamyati: vozniknovenie novoi nauki o chelovecheskoi psikhike* [In Search of Memory: The Emergence of a New Science of Mind]. Moscow, Astrel' Publ., Corpus Publ., 2012. 736 p. (In Russian).
8. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 655 p. (In Russian).
9. Leont'eva O.B. “Memorial'nyi povorot” v sovremennoi rossiiskoi istoricheskoi nauke [“Memorial turn” in the contemporary Russian historical studies]. *Dialog so vremenem = Dialogue with Time*, 2015, no. 50, pp. 59–96.
10. Repina L.P. Pamyat' i istoriopisanie [Memory and historiography]. *Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [History and memory: the historical culture of Europe before the beginning of modern times]. Moscow, Krug Publ., 2006, pp. 19–46.
11. Ricoeur P. *Vremya i rasskaz*. T. 1. *Intriga i istoricheskii rasskaz* [Time and Narrative. Vol. 1.]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000. 313 p. (In Russian).
12. Ricoeur P. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Forgetting]. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury Publ., 2004. 728 p. (In Russian).
13. Falikman M.V. Protsessy i vidy pamyati [Processes and types of memory]. *Postnauka*, 2015, November 12. Available at: <https://postnauka.ru/video/54916> (accessed 20.05.2021).
14. Chekantseva Z.A. Kollektivnaya pamyat' i istoriya [Collective memory and history]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2015, no. 4, iss. 2, pp. 229–239. (In Russian).

15. Eco U. *The Limit of Interpretation*. Indiana University Press, 1994. 296 p.
16. Ricoeur P. *Temps et récit*. Vol. 1. Paris, Seuil, 1983. 324 p. (In French).
17. Ricoeur P. *La mémoire, l'histoire, l'oubli*. Paris, Seuil, 2000. 682 p. (In French).

The article was received on 04.09.2020.

The article was reviewed on 22.10.2020.